

Б.И.Додонов

«ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ» И НАУКА О ВОСПИТАНИИ

Додонов Б.И. «Здравый смысл» и наука о воспитании // Советская педагогика. 1968. № 1. С.132-141.

Давно уже признано, что одни и те же воздействия социальной и природной среды могут различно сказываться на психике разных людей. Именно отсюда вытекает принцип индивидуального подхода в воспитательной работе. Однако реализация этого принципа в практике воспитания трудящихся, и прежде всего молодого поколения, далеко не достаточна. Это не в малой степени объясняется слабой теоретической разработанностью проблемы психологической ассимиляции человеком внешних воздействий. Термин «ассимиляция» употребляется в психологии в разных значениях. Мы будем подразумевать под ассимиляцией процесс своеобразного морального, эстетического и логического «усвоения» личностью тех внешних воздействий, которым она подвергается со стороны окружающей ее социальной и природной среды, в процессе активного взаимодействия с нею. В настоящей статье нам хочет высказать соображения по затронутому вопросу.

Прежде всего подчеркнем диалектическую зависимость свойственной данному индивиду психической ассимиляции действительности от направленности личности. С одной стороны, направленность человека складывается под влиянием внешних воздействий, а с другой – эта формирующаяся направленность в значительной степени начинает определять то, как эти внешние воздействия будут им ассимилированы. Этому влиянию направленности подвержено, как известно, уже непосредственно само непосредственное видение мира. Но еще более зависимой от нее оказывается последующая эмоционально-логическая переработка воспринятого. Не отрицая зависимости результатов этой переработки от общего строя личности, все же обычно предполагают для этих результатов гораздо более тесные границы, чем они их в действительности имеют.

В суждениях о зависимости эффекта внешнего воздействия от индивидуальных психологических особенностей школьника пока не идут дальше признания того обстоятельства, что разные дети могут в разной степени усваивать дурные и хорошие образцы поведения. В качестве же самых крайних случаев рассматриваются факты, когда один определенный ученик оказывается способным почти полностью противостоять «плохому», а другой, наоборот, легко перенимая у окружающих все отрицательное, в то же время сплошь и рядом бывает «глух к добру». Таким образом, считается, что эффект внешнего воздействия на личность, в зависимости от ее особенностей, колеблется от единицы до нуля.

Такое ограничение в понимании зависимости результата внешнего воздействия на личность от ее внутренних качеств приводит к выводу, что общий итог формирования морального облика человека якобы определяется количественным соотношением разных форм «добра» и «зла», с которым он сталкивается в своей жизни. Чем выше процент первого и ниже процент второго, тем лучше для дела воспитания. Даже людей, плохо поддающихся «хорошему», можно якобы исправить при массированном воздействии последнего, равно как и преобладание «дурных» влияний должно, увы, неизбежно принести большой ущерб любой формирующейся личности.

Эта точка зрения кажется логичной и целиком согласуется с пресловутым «здравым смыслом», что мешает отнестись к ней достаточно критически. В жизни, однако, много парадоксов, и в области педагогики их, вероятно, не меньше, чем во всякой другой области. Поэтому, если мы непредвзято присмотримся к биографиям и судьбам живых конкретных людей, то должны будем признать, что далеко не всегда можно так просто объяснить качества личности человека характером формировавших его внешних воздействий. Порою в обстановке, казалось бы, явно благоприятной для формирования социально ценных человеческих качеств, формируются люди ничтожные, а в обстановке, явно ненормальной для обстановки для воспитания, вырастают люди с большим сердцем.

Хорошей иллюстрацией последнего из упомянутых возможностей является хотя бы становление личности молодого Горького, который, живя в мире звериной вражды и «свинцовых мерзостей», тем не менее постепенно формировался в будущего великого гуманиста, горячего поборника красоты, правды и справедливости. И это не единственный случай. Биографии многих выдающихся людей могли бы

служить не менее яркой иллюстрацией того, как самые ценные качества личности порою возникают и развиваются, казалось бы, при самых неблагоприятных для этого условиях. С другой стороны, не надо далеко ходить и за противоположными примерами. Не столь давно в «Комсомольской правде» было опубликовано письмо Ирины А. Как видно из этого письма, мать ее – самоотверженная труженица, стремившаяся эту любовь к труду воспитать и у своей дочери, а воспитала, однако, тунеядку «по призванию».

Конечно, при желании всегда можно обнаружить, что первые из упомянутых нами людей испытывали в своей жизни и какие-то положительные влияния, а вторые сталкивались порою с дурными примерами. Но если трезво взвесить все обстоятельства их жизни, то нельзя не прийти к выводу, что в своем нравственном развитии все они плыли против «господствующего ветра жизни». И пусть это сравнительно редкие случаи, даже исключения, все равно следует задуматься над тем, как это могло случиться. Как личность могла столь успешно формировать себя в определенном направлении, имея для этого так мало подходящего материала? Это тем более интересно, что через исключения нередко раскрываются правила.

В данном случае «правило», очевидно, состоит в том, что вопреки обычным представлениям «внешние влияния» не просто ассимилируются формирующейся личностью в большей или меньшей степени, но и ассимилируются ею, так сказать, алгебраически – то со знаком плюс, то со знаком минус. Иначе говоря, существуют две формы ассимиляции внешних воздействий – позитивная и негативная. При позитивной форме ассимиляции в мозгу человека формируются модели нравственного поведения, в основном соответствующие воспринимаемому. Когда мы говорим, что какой-то ребенок легко перенимает у других все хорошее или, наоборот, все плохое, то мы ведем речь именно об этой форме ассимиляции. При негативной ассимиляции у человека напротив, усиливаются тенденции поведения, прямо противоположные тем внешним воздействиям, которые были им восприняты.

В зависимости от уже имеющейся у личности системы отношений к действительности, одни внешние воздействия она ассимилирует позитивно, а другие – негативно. Определенные внешние воздействия могут и просто не найти никакого отзвука в «душе» человека. В этом случае они едва ли окажут сколько-нибудь заметное влияние на его направленность и характер. От такого рода «нулевой ассимиляции» внешних воздействий, равно как от разных сложных комбинированных ее форм, мы пока отвлекаемся, хотя, конечно, все это представляет немалый психологический интерес.

Двоюродный брат Горького, Саша Яковлев, живя в обстановке вражды и жестокости, ассимилировал ее позитивно. Сталкиваясь с бесчеловеческим отношением к себе, он и сам стал таки же бессердечным по отношению к окружающим. Вспомним хотя бы, как охотно выполнил он совет дяди Михаила накалить на огне наперсток полуслепому мастеру Григория или как он старался подвести под наказание Алешу. Когда же дед зверски избил Горького, то это вызвало совсем другой эффект. Психологическим результатом расправы было то, что у мальчика «точно... содрали кожу с сердца, оно стало невыносимо чутким ко всякой обиде и боли, своей и чужой» (собр. соч., т.3, стр.2). Здесь перед нами ярчайший случай негативной ассимиляции жестокости, причем, очевидно, случай далеко не исключительный, ибо почти то же самое произошло, как известно, и с другим великим человеком – Жан-Жаком Русо. Последний тоже ассимилировал несправедливое наказание таким образом, что оно способствовало формированию у него чрезвычайно ценного качества – ненависти к несправедливости и сочувствия к угнетенным. С тех пор, пишет Руссо, «это чувство... так упрочилось и так отрешилось от всего личного, что при виде любого несправедливого поступка или даже при рассказе о несправедливости над кем бы и где бы ее ни совершили – мое сердце так горит негодованием, как будто я сам являюсь жертвой» (Избранные произведения, т.3, стр.23). Вот он, этот «странный мир» педагогики, когда самые «антипедагогические воздействия» на личность, как бы выразились теперь, в огромной степени способствовали формированию у этой личности благороднейших свойств!

Поразительно, что благодаря наличию двух форм ассимиляции один и тот же конечный результат в развитии стремлений и поведений людей может достигаться за счет прямо противоположных по своему характеру внешних факторов.

Интересны собранные нами совместно со студенткой Т.Н. Чебышевой данные о том, какие обстоятельства способствовали формированию педагогической направленности у некоторых студентов физико-математического и иностранного факультетов нашего института. Оказалось, что в яре случаев

желание посвятить себя педагогической деятельности возникло у студентов в школьные годы в результате тех эмоций и размышлений, которые вызывали у них учителя на уроках и в процессе внеклассного общения с учащимися. При этом, если от одной части студентов были получены сведения, что интерес к педагогической профессии пробудился у них под влиянием положительного примера учителя, вызывавшего любовь и восхищение, то другая правда, небольшая часть студентов ссылалась на совершенно противоположные обстоятельства. «Смотрю я, бывало, на наших учителей, возмущаюсь и думаю – разве таким должен быть учитель, - рассказывала нам одна из студенток. – И всегда после этого я начинала думать, а как бы я вела себя на их месте, какую бы я сама была учительницей. А потом эта мечта стала появляться независимо от обиды...» Таким образом, возмущение плохими учителями у одних, равно как и восхищение замечательными учителями у других школьников в некоторых случаях ассимилировались в желание посвятить свою жизнь воспитанию и обучению детей.

До сих пор мы преимущественно оперировали фактами, свидетельствующими о том, что положительные свойства личности могут формироваться не только благодаря позитивной ассимиляции положительных влияний, но и благодаря негативной ассимиляции отрицательного. Увы, в жизни бывают и прямо противоположные случаи, когда позитивно усваивается плохое, а негативно хорошее.

Поскольку позитивное усвоение плохих примеров факт широко известный, мы на нем останавливаться не будем. Внимания требует положение о том, что негативно в некоторых случаях может ассимилироваться все то положительное, что есть в нашей жизни, в наших отношениях к людям. С этим, очевидно, трудно примириться многим педагогам, поскольку воспитательная работа пока в основном исходит из предпосылки, что хорошее не может дать дурной результат.

Считается, что все отрицательное в ребенке, в человеке, может укрепляться только от «дурных влияний», «дурных примеров»; хорошие же советские люди, окружающие человека, их благородные, патриотические дела, честные речи, беседы, книги – в одном случае в большей степени, в другом в меньшей, но непременно должны оказывать на человека положительное воздействие или, в самом крайнем случае, - просто никакого. Таково привычное убеждение, господствующее среди людей, отдающих себя делу воспитания. Но это убеждение не столь неуязвимо, как это кажется. Надо признать, что бывают люди, которые встречаясь с чужой отзывчивостью и благородством, только настораживаются, извлекают плохое из самой хорошей повести, кинокартины и т.п. Ведь сумел же один подросток, как об этом сообщалось в печати, сделать своим героем итальянского фашиста, о котором узнал из книги, посвященной разоблачению последнего («Чтобы не отвернулись люди», «Комсомольская правда» от 13 мая 1966г.)

Особенно наглядно возможность негативно ассимилировать хорошее выступит в том случае, если мы сопоставим две формы ассимиляции на примере конкретной реакции двух лиц с разной направленностью на один и тот же объективно положительный факт. Весной 196г. в Комсомольской правде» были опубликованы дневники рабочего-путейца, строителя дороги Ачинск – Абалаково Василия Довгалоюка, в которых изложена жизненная позиция настоящего советского патриота. Эти дневники прочитали разные люди и по-разному ассимилировали прочитанное. Ниже мы почти полностью приводим текст двух писем, написанных в ответ на выступление Василия Довгалоюка.

Письмо первое

«Я прочитала в «Комсомолке» ваш дневник и потеряла покой. Простите меня за совершенную подлость. Мен тяжело об этом писать. Я приехала по комсомольской путевке на вашу стройку в 1962г., попала на центральный участок. Проработав четыре с половиной месяца, а потом мы с подругой сбежали. Вы скажете – предатель. Ваша правда, мы испугались. Болота, мошка кусала невыносимо... Прошил годы. Я стала забывать об этой истории. Трудилась на заводе, выполняла комсомольские поручения. И вдруг вы. Ваши слова к хлюпикам, сбежавшим со стройки, в том числе и ко мне, - как пощечина. Простите меня. Скоро уеду в Сибирь на стройку, в тайгу. Нет, не по комсомольской путевке, на нее я уже не имею права. Свой адрес вам называть не буду. Пройдут еще годы, и я вас найду. И за гнев благодарю.

Зина».

Письмо второе

«слушай, Довгалоюк! Я очень сожалею, что тебя не шлепнул этот Рамазанов. От твоей суперпатриотической галиматъи, которую газета называет дневниками, меня тошнит. Да, ты достоин жить

в Сибири. Ты достоин того, чтобы тебя грызли комары и было холодно зимой. Неужели ты не можешь понять, что так работать, как ты, может только человек, злой на самого себя?

Зачем эта Сибирь? Кому она нужна? На кой черт Красноярская ГЭС, Абакан – Тайшет и твоя маклаковская дорога? Неужто от этого бостоновый костюм дешевле станет?

Тебе очень трудно представить, что в то время, когда ты ходишь по путям и разговариваешь с тайгой, многие твои ровесники на сто процентов наслаждаются жизнью. И барак, в котором ты живешь и, по всей вероятности, в нем же дашь дуба, их не привлекает. Если бы ты знал как мы над тобой смеялись... Эх, Довгалюк, ты Довгалюк, так тебе и надо. Давай шуруй! И чтобы план давал процентов на 300. Подбери себе таких, как ты, и поезжай куда-нибудь подальше, к медведям.

С приветом, тоже Васька».

Как мы видим, дневник патриота задел авторов обоих писем, оба на него определенным образом отреагировали. Их реакция, надо думать, не должна вызывать сомнения в искренности авторов. О чем же говорят эти письма?

Первое письмо, письмо Зины – яркий пример сильной и позитивной по форме ассимиляции прочитанного, девушка, по ее собственному признанию, отнюдь не героиня. Когда-то она совершила малодушный поступок, который, вероятно, внутренне оправдывала. Теперь, под влиянием прочитанного, у нее возникло острое раскаяние и желание искупить свою вину. Это свидетельствует о том положительном воздействии, которое оказал на нее призыв молодого рабочего. Трудно, конечно, сказать, насколько устойчивым окажется ее намерение вернуться в Сибирь. Однако нет сомнения, что все пережитое не прошло для девушки даром, что в результате этого она стала иной, стала лучше, чем была.

О совершенно противоположном эффекте свидетельствует письмо второго корреспондента. То же самое обращение, которое так адекватно отозвалось у Зины, у «тоже Васька» из Риги вызвало лишь цинизм и глумление. Читая дневник рабочего, он испытывал самые недостойные по своей направленности эмоции. И если является верным общепринятое в советской психологии положение о том, что устойчивые психические свойства личности возникают и укрепляются на основе ситуативно возникающих у нее психических процессов и временных психических состояний, мы можем сделать вывод: благородный призыв строителя Довгалюка был ассимилирован вторым корреспондентом таким образом, что способствовал лишь укреплению его наиболее отвратительных качеств.

Суть этой зависимости, как мы имели возможность убедиться, состоит в том, что каждое внешнее воздействие человека вольно или невольно, сознательно или бессознательно стремится ассимилировать так, чтобы не нарушать уже сложившуюся систему отношений к действительности. Поэтому все то, что соответствует этой системе, он ассимилирует позитивно; все то, что находится с нею в противоречии – негативно. Преодолевая таким образом противоречие между своими личностными установками и воздействиями окружающей его социальной среды, человек нередко укрепляет свою «внутреннюю позицию» не только благодаря тем из воздействий, которые соответствуют этой позиции, но и тем из них, которые приходят с ней в явное столкновение.

Вследствие указанной взаимосвязи сформировавшихся у человека установок по отношению к определенным жизненным явлениям и соответствующего этим установкам характера ассимиляции внешних воздействий возникают и определенные тенденции последующего развития личности. Формирование психического склада человека все в меньшей и меньшей степени начинает зависеть от прямого влияния падающих на него внешних воздействий, несмотря на то что все его дальнейшее нравственное созревание осуществляется именно за их счет. Конечно, эту устойчивость внутренней позиции личности к внешним влияниям ни в коем случае нельзя абсолютизировать. Таких лиц, которые позитивно ассимилировали бы все хорошее в нашей жизни и негативно все дурное или, наоборот, позитивно ассимилировали все дурное, а негативно все хорошее, так же мало, как и абсолютных злодеев или абсолютных «рыцарей без страха и упрека». И уж, во всяком случае, их совершенно нет среди детей.

«Внутренняя позиция» ребенка, система его отношений к окружающему миру неизбежно остается еще «недостроенной» и, так сказать, не приведенной к общему знаменателю. Поэтому у формирующейся личности возникновение и разрешение противоречий между внутренними установками и внешними воздействиями сплошь и рядом сопровождаются одновременным столкновением и борьбой самих ее внутренних установок. Тенденция нравственного движения личности в определенном направлении здесь

еще выражена недостаточно сильно и устойчиво, она еще может быть изменена. Но тем не менее она есть, и с нею надо считаться. Надо считаться именно для того, чтобы эту тенденцию еще более укрепить, если она нас удовлетворяет, или преодолеть, если она нас не устраивает. Педагогика здесь подчинена диалектике, как и все другие сферы человеческой деятельности.

Целый ряд вопросов встает перед нами после принятия изложенной точки зрения на формирование личности. Когда и как возникает у личности та «первичная закваска», которая определяет тенденцию к определенному ассимилированию действительности? Как ее распознать, как предусмотреть, что ребенок будет ассимилировать позитивно, а что негативно? В какой степени личность активно ищет одни влияния и «уходит» от других, а в какой просто пассивно испытывает их воздействие? Каким образом можно изменить характер ассимиляции тех или иных внешних воздействий, если он нас не удовлетворяет, как изменить и саму «первичную закваску»? в какой мере для успешного развития личности необходимо разнообразить «нравственную пищу», чтобы она развивалась не только благодаря одной позитивной ассимиляции положительного, но и за счет негативной ассимиляции отрицательного? Ведь утверждал же Горький, что «человек создает его сопротивление окружающей среде». Как наконец, сочетать необходимость строго индивидуального подхода при организации определенных воздействий на личность с необходимостью работать с целыми коллективами, внутри которых и должно воспитываться каждое отдельное лицо?

Мы, разумеется, не имеем готовых ответов ни на один из заданных вопросов и полагаем, что и другие их тоже пока не имеют. Мы позволим себе попутно заметить, что ничто, на наш взгляд, не приносит развитию педагогической науки такого вреда, как «всезнайство» и стремление немедленно постулировать ответ на любую поставленную проблему. Поэтому в заключение мы коснемся только двух из поставленных здесь вопросов, не решая их окончательно, а лишь предлагая вниманию читателей отдельные соображения, которые, быть может в какой-то степени будут способствовать правильному решению этих вопросов в будущем.

Первый вопрос – это вопрос об образовании той первоначальной психологической «почвы», на которую впоследствии падают все моральные «посевы». Вероятно, эта «почва» может формироваться уже в очень раннем возрасте. Иначе мы не сумеем объяснить почему, скажем, тот же Алеша Пешков, будущий великий писатель М.Горький, уже в дошкольном возрасте так решительно отличался от своих двоюродных братьев. Возможные ссылки на некоторую разницу в их семейном положении не кажутся нам убедительным, так как общая атмосфера жизни в доме деда оставалась для него той же самой, что и для других детей. Так же неправильно, очевидно, искать главную причину исключительности маленького Горького в одних его природных задатках (хотя и сбрасывать их со счета тоже нельзя). Главный фактор этой исключительности мы видим в том воспитании, которое будущий писатель получил в обществе отца, еще до переезда в дом деда. Такому же влиянию на личность ребенка первых впечатлений обязаны, на наш взгляд, и многие особенности в характере других людей. Не случайно еще Талейран, рассказывая о своем детстве, заметил: «Первые предметы, воздействующие на взор и сердце ребенка, часто предопределяют его склонности и придают характеру то направление, которому мы следуем в течение всей нашей жизни».

Конечно, в раннем детстве еще не может сформироваться сколько-нибудь определенная жизненная позиция личности. Но можно, однако, предполагать возникновение некоторого эмоционального настроения, некоторого своеобразия эмоционального восприятия действительности уже у маленького ребенка. Последнее в свою очередь может обусловить определенные особенности дальнейшей ассимиляции им внешних воздействий – и не только в аспекте «добра и зла», но и в других возможных аспектах. Один ребенок окажется более податливым к воздействиям, адресованным к сфере моральных, а другой – к сфере эстетических чувств. Эти особенности личности ребенка есть уже определенная тенденция его последующего развития, которая в условиях целенаправленного воспитания, основанного на знаниях, может быть полезно использована, усилена или, наоборот, преодолена. В условиях же стихийного формирования моральных качеств она способна в известном смысле предопределить будущее ребенка.

Такая мысль об исключительном значении для формирования личности впечатлений, полученных в самом раннем детстве, на первый взгляд кажется маловероятной. Однако в пользу ее свидетельствуют и некоторые экспериментально проверенные факты из жизни животных, говорящие о

наличии у них в раннем возрасте периодов, которые являются особенно сензитивными для возникновения определенных установок по отношению к действительности. Мы имеем в виду явление, получившее в литературе по физиологии название импринтинга.

Как правило, для выработки у животных какого-либо навыка требуются многократные упражнения. Однако, как отмечает, например, Д.Вулдридж, существует любопытное исключение из этого правила: «Иногда у животных в очень раннем возрасте, обычно в первые часы или дни жизни, может создаваться навык весьма специального типа в результате единичного события». Интересно, что это навык, всегда связанный с отношением. Вот одно из характерных проявлений импринтинга, достигаемого в строго экспериментальных условиях: «Половину яиц, снесенных гусыней, помещают в инкубатор, а другую половину оставляют в материнском гнезде. Гусята, выведенные матерью, будут всюду следовать за ней по пятам. Гусята, вылупившиеся в инкубаторе, будут следовать за первым движущимся предметом, который они увидят, например, за служителем, который вынесет их на лестничную площадку...» Если обе группы гусят посадить вместе под большой ящик, то стоит только убрать его, «как произойдет автоматическая сортировка: инкубаторные гусята, не обращая никакого внимания на гусыню, устремятся «к своему родителю» человеческой породы» («Механизмы мозга». М., изд-во «Мир», 1961).

Импринтинг наблюдали не только у гусят и утят, но и у самых разных животных: у детенышей морской свинки, ягнят, индюшат, щенят и т.д. В отношении щенят было, например, установлено, что оптимальным для выработки у них привязанности к человеку является время до семи недель. Если же щенок не видит человека до 14-недельного возраста, то он вообще уже не может к нему привыкнуть.

В научной литературе отмечались и другие, еще более поразительные факты колоссального влияния условий жизни в раннем детстве на последующее поведение животных. Сообщалось, например, о том, что если самкам крыс в раннем возрасте не давали ухаживать за собой, чистить шерстку, то впоследствии они поедали своих детенышей. Враждебное отношение к своему потомству наблюдалось и у обезьян, выращенных без матери с помощью «кормившей» их резиновой куклы. Равным образом было отмечено, что если в определенном возрасте зяблик будет слушать синичьи песни, то впоследствии он уже никогда не станет петь по-зябличьи (Э.Рутман. дорого время вовремя, «Знание – сила, 1966, №12).

Все эти факты импринтинга у животных наталкивают на мысль, что аналогичное явление возможно и у человека. Они делают более достоверной высказанную выше гипотезу о формировании у ребенка уже в самом раннем возрасте определенного настроения в эмоциональном восприятии явлений действительности. Верность или ошибочность этой гипотезы должна быть установлена в специальных исследованиях.

Второй вопрос, на котором мы хотели бы остановиться, это вопрос о том, как можно изменить обычный для данного лица характер ассимиляции определенных воздействий, если он препятствует формированию необходимых моральных качеств. Как и в первом случае, мы не можем здесь предложить какого-то окончательного решения задачи. Наша цель несравненно более скромная – показать, что найти необходимое решение все же возможно, упомянув о некоторых путях, которые к нему могут привести.

Факты, которыми мы в настоящее время располагаем, дают основание думать, что таких дополняющих друг друга путей может быть, по крайней мере, три:

1. Идея, которая не ассимилируется через одну сферу отношений, при некотором изменении формы ее выражения может быть ассимилирована через другую сферу. Типичной иллюстрацией такого «обходного пути», ведущего к «принятию» личностью той идеи, которую она раньше не могла позитивно ассимилировать, является случай, описанный А.П. Чеховым в рассказе «Дома».

Прокурор окружного суда Евгений Петрович Быковский, вернувшись с заседания, узнал о том, что его семилетний сын Сережа курит. Встревоженный этим, отец при встрече с сыном долго пытался растолковать ему, как вредно курение для детей и к каким ужасным последствиям оно может привести. Однако маленький Сережа остался безразличным ко всем его словам. Евгений Петрович потерял надежду повлиять на Сережу и по просьбе последнего стал рассказывать ему импровизированную сказку, в которой благодаря ассоциативному ходу мыслей поведал о несчастье, постигшем старого доброго царя из-за того, что сын его курил. И тут произошло неожиданное. Сережа, который совершенно равнодушно слушал о том, что курение приводит маленьких детей к чахотке и смерти, теперь был потрясен. «Его глаза подернулись печалью и чем-то похожим на испуг. Минуту он глядел на темное окно, вздрогнул и сказал упавшим голосом: - Не буду я больше курить...»

2. Ассимиляция может измениться, если вследствие изменения в ситуации ее объект окажется в ином объективном отношении к потребностям личности, чем был до этого.

В качестве примера приведем известный нам случай, когда один ученик, одобрительно относившийся к шутовским выходкам своего школьного товарища и старательно их перенимавший (позитивная ассимиляция), вдруг с некоторых пор не только изменил оценку его поведения, но и начал успешно бороться со своими собственными нелепыми манерами. «Когда видел его глупые кривлянья, мне становилось еще стыдней, что я сам иногда на него похож, и я давал себе слово исправиться», - признался нам впоследствии этот школьник (негативная ассимиляция). Изменение отношения к глупым «шуткам» бывшего приятеля, а следовательно, и характер их ассимиляции произошло у ученика после того, как в отряд пришла новая вожатая, организовавшая очень захватившую мальчика отрядную работу и вызвавшая у него к себе личную симпатию.

В этой новой ситуации недисциплинированное поведение «друга» стало противоречить тому положительному отношению к отрядным делам, к вожатой, которое возникло у ученика, и потому стало оцениваться и ассимилироваться им совсем иначе, чем прежде. Интересно отметить, что теперь плохое поведение приятеля вызвало у нашего ученика отрицательную реакцию даже в тех случаях, когда оно имело место не в отряде, а на уроках у тех же самых учителей, которых он прежде и сам не прочь был вывести из равновесия.

3. Резкое изменение обычных ассимиляционных возможностей может наступить в том случае, если какие-либо посторонние причины вызовут у человека максимально напряженное эмоциональное состояние, которое окажется «созвучным» внешнему воздействию.

В наиболее «чистом» виде этот последний случай раскрыт в эпизоде, рассказанном писателем Владимиром Крайковским. Герой романа «Щеглов уже знал некоторые вещи Бетховена почти наизусть (его девушка «таскала» на концерты), а все равно эта музыка его не волновала. И полюбил Щеглов Бетховена, как он сказал, из-за пустяка». Он, тогда студент университета, задолжал хозяйке за квартиру, и она не пустила его в дом. «...Он стучал, умолял, грозил – больше ни звука. А вьюга, мороз...Он окоченел. Остаться под дверью – значит замерзнуть. И он решил бежать в университет, больше некуда. В это через весь город...Через вьюгу, мороз, в одном пиджачке...Щеглов пробежал уже половину пути, выбился из сил, замерзал...Добежал до центра. А в Москве тогда установили первые уличные репродукторы. Щеглов бежал, ничего из-за пурги не видя, и вдруг – прямо над его головой грянула увертюра к «Эгмонту». Он остановился как вкопанный. Сначала от неожиданности, но тут же почувствовал, что в его груди вырастает какая-то сила. Эту музыку он много раз слышал раньше, но только теперь она «пробила изоляцию его души»...Он простоял, не двигаясь, высоко подняв голову, пока не умолкли последние звуки. В этот час он понял Бетховена...Потом, когда вышел из больницы, он сам стал ее (свою знакомую) «таскать» за собой на концерты, где игралась хоть одна бетховенская вещь» («Звезда», 1963, №7).

Возможность изменения ассимиляции путем создания у человека соответствующего психического состояния почти безграничны. Как свидетельствуют факты, даже закоренелые мерзавцы в некоторых случаях становились «проницаемы» для сочувствия чужим страданиям в ситуации когда сами испытывали глубокие потрясения.

Заканчивая рассмотрение тех путей, которые могут привести нас к разработке более совершенных методов воспитания и перевоспитания личности, чем те, которые сейчас преимущественно используются, мы хотели бы на конкретном примере продемонстрировать возможную их необычность. С этой целью нам придется обратиться к педагогической практике девятиклассницы Шуры, о которой рассказывает Л.Е.Ковалева в брошюре «Отцы и дети» (М., изд-во «Знание»,1960). Отсутствие педагогического образования делает Шуру – сторонницу действенной педагогики, как характеризует ее автор, более смелой в своих методах воздействия на сестренку. Л.Е. Ковалева рассказывает об этом так. «Однажды Танечка пришла с прогулки, когда мамы не было дома. Она радостно сообщила: «А Витя сегодня кошку бил». – «Как бил?» – машинально спросила Шура, восстанавливая перпендикуляр к прямой АВ. – «Сначала камнями кидал, а потом ногой, как мяч, бросал. Она так смешно перекидывалась в воздухе»...Шура медленно отложила линейку и карандаш. – «А ты что же?» – «Я? Ничего. Все смеялись, и я смеялась». – «Да, это наверно очень смешно, задумчиво сказала Шура. – Как же он это делал? Вот так?» И прежде чем Танечка успела вымолвить слово, Шура схватила любимую Танечкину куклу Валю и ногой высоко подкинула ее в воздух. Валя перевернулась в воздухе и упала на пол лицом вниз... «Что ты

делаешь?» Таня подняла любимицу и залилась слезами: через блестящий голубой глаз куклы, через нос и через подбородок прошла глубокая трещина.

«Как тебе не стыдно! – кричала Танечка, плача. – Ведь ей больно!» – «Больно, - невозмутимо подтвердила Шура. – А той бедной кошке, над которой издевался Витя, было еще больнее». – «Это же кошка!» – сказала Танечка. «Кошке было очень больно. И она так же, как твоя Валя, ничего не могла сказать. Впрочем, она по-своему говорила...Она, наверно, мяукала, да?» – «Да, - сказала Танечка. – Она мяукала. Но она не плакала!» - «Нет, она плакала. Кошка плачет по-своему, на своем кошачьем языке. Она плакала и говорила: «Витя меня бьет, и столько вокруг девочек и мальчиков, и все они»... «Я не била ее! – быстро сказала Танечка. Она все еще держала свою покалеченную куклу на руках, но слушала Шуру. – Я не била кошку. Это Витя!» – «Пусть Витя. Но ты ведь могла защитить ее! Ты могла сказать, чтобы Витя оставил ее в покое, потому что ей больно. А ты этого не сделала. Значит, ты такая же злая, как Витя». «Нет, я не злая», - сказала Танечка. Слезы по-прежнему катились по ее лицу. Ей было теперь нестерпимо жаль кошку, почти так же, как куклу».

Внушая своей сестренке жалость к кошке, Шура, как мы видим, действует весьма сурово и решительно. И каким бы «диким» ни казался на первый взгляд ее поступок, она все-таки прекрасно достигает своей воспитательной цели, ибо она интуитивно опирается на тот важный психологический закон ассимиляции путем создания определенного психического состояния, о котором мы говорили выше. Конечно, «метод», примененный ею, носит исключительный характер и не годится для «широкого внедрения в практику». Однако принцип, лежащий в его основе, достоин внимания и может быть использован при создании более универсальной воспитательной методики.

Конечно, многие выдвинутые здесь положения нуждаются в дальнейшей проверке и уточнении, так что значение данной статьи не идет дальше постановки проблемы, которая позволяет в несколько ином свете увидеть факты, сами по себе ни для кого не являющиеся секретом.